

340.96

Д-295

1899.

340.96

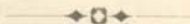
Д-295

Д Ъ Л О

ТУРЕЦКАГО АРМЯНИНА

ГУЛЬГУЛЯНА.

(МЕСТЬ ЗА УБИЙСТВО ОТЦА И БРАТЬЕВЪ).

Изъ №№ 274, 275 и 278 „Русск. Вѣд.“

МОСКВА.

Тип. „Русск. Вѣд.“, Черныш. пер., д. № 7.

1899 г.

ДОВО
ТРЕТЬЕГО АРМАННА
ТАМБЛАННА

Дозв. цензурою. Москва, 3 ноября 1899 г.

640

45

Дѣло турецкаго армянина Гульгульяна.

(Местъ за убійство отца и братьевъ).

22-го сентября въ городѣ Симферополѣ разсмотрѣно было судомъ присяжныхъ надѣлавшее много шума дѣло турецкаго армянина Киркора Манукъ-Абаджи Гульгульяна, служащее отголоскомъ турецкихъ звѣрствъ въ Арменіи 1895 г. Гульгульянъ, случайно встрѣтивъ въ Симферополѣ турка Хасана, зарѣзавшаго на его глазахъ въ Байбуртѣ его престарѣлаго отца и двухъ братьевъ, нанесъ убійцѣ рану книжаломъ, отъ которой тотъ палъ замертво. Приводимъ подробности этого сенсационнаго дѣла со словъ *Крымскаго Вѣстника*.

Предсѣдательствуетъ членъ суда А. А. Смирновъ, обвиняетъ товарищъ прокурора Бѣлявскій, защищаетъ прис. дов. Карабчевскій. Въ залѣ засѣданія масса публики.

Засѣданіе начинается въ 10¹/₂ часовъ утра. Скамью подсудимыхъ занимаетъ обвиняемый Киркоръ Гульгульянъ. На видъ ему около 27-ми лѣтъ, — брюнетъ, съ характерными особенностями восточнаго лица.

Председатель при помощи переводчика предлагает подсудимому ряд вопросов. Подсудимый отвечает, что происходит из Турецкой Армении, холост, восемь месяцев проживает в России.

Читается обвинительный акт. В конце марта 1898 г. турецко-подданный, житель города Байбурта, Эрзерумского округа, Оттоманской империи, по национальности турок, Хасанъ сынъ Батаса-Мимий-оглу по своимъ деламъ прѣхалъ въ Симферополь и остановился на Севастопольской улицѣ, въ кофейнѣ армянина Карабета Манушарьянца. 27-го апрѣля вечеромъ Хасанъ находился въ ближайшей отъ своей квартиры харчевнѣ, принадлежащей Амету-Али-оглу, и оттуда послѣ ужина часовъ въ 11 вмѣстѣ со знакомыми пошелъ пить кофе въ кофейню своего хозяина, но по дорогѣ изъ-за забора, отгораживающаго производящуюся при домѣ Топалова съ улицы постройку, неожиданно выскочилъ какой-то человекъ, бросился на Хасана, ни слова не сказавъ, нанесъ ему книжаломъ ударъ въ лѣвый бокъ и обратился въ бѣгство, но немедленно былъ настигнутъ и задержанъ съ окровавленнымъ книжаломъ въ рукахъ городовымъ Кремневымъ при помощи нѣкоторыхъ лицъ, бывшихъ съ Хасаномъ; послѣдній, обливаясь кровью, упалъ и тутъ же на улицѣ скончался. При судебно-медицинскомъ вскрытiи у него оказалась глубокая рана, проникающая лѣвое легкое, сердце и дыхательное горло. Задержанный Киркоръ сознался въ убійствѣ Хасана и объяснилъ, что въ Симферополѣ живетъ около трехъ месяцевъ, занимается сапожнымъ мастерствомъ, а въ Россiю вообще онъ бѣжалъ изъ Турцiи еще въ 1895 г., послѣ армян-

скихъ безпорядковъ, во время которыхъ онъ потерялъ отца и двухъ братьевъ, убитыхъ въ городѣ Байбуртѣ на его глазахъ Хасаномъ. Съ появленіемъ Хасана въ Симферополѣ Киркоромъ овладѣло таинственное въ немъ чувство мести за смерть родныхъ и привело его къ рѣшимости убить Хасана, для чего онъ приобрѣлъ кинжалъ и сталъ слѣдить за нимъ, выжидая удобнаго момента, чтобы исполнить свое намѣреніе; 28-го апрѣля онъ, вооруженный кинжаломъ, укрывся за заборомъ около квартиры Хасана, выжидая его возвращенія изъ ближайшей харчевни, и засимъ, едва Хасанъ приблизился къ нему, какъ онъ изъ-за забора бросился къ нему и нанесъ ему кинжаломъ ударъ въ лѣвый бокъ. По словамъ Киркора, покончить съ Хасаномъ на родинѣ среди турецкаго населенія у него не хватало мужества.

Подсудимый признаетъ себя виновнымъ.

По ходатайству защитника, въ виду незнанія подсудимымъ русскаго языка, читается его показаніе, данное на предварительномъ слѣдствіи.

— Я жилъ въ своемъ родномъ городѣ Байбуртѣ,—говоритъ Киркоръ,—среди своей семьи, состоявшей изъ отца, матери, двухъ братьевъ и четырехъ сестеръ. Жили мы все вмѣстѣ, мирно и въ довольствѣ, работали; отецъ былъ столяръ, я и братъ Саркизъ—сапожники и Хачадуръ—золотыхъ дѣлъ мастеръ. Но начались преслѣдованія армянъ, и 3¼ года тому назадъ пришла вѣсть, что въ Трапезундѣ и въ другихъ городахъ турки бьютъ насъ, армянъ, а затѣмъ внезапно началось избиеніе армянъ и въ Байбуртѣ. Избиеніе длилось цѣлыя сутки, и сотни армянъ, беззащитныхъ и облитыхъ ужасомъ, пали подъ ножами своихъ

убійць. Турки, ломая заноры, врывались въ дома, хватали и рѣзали всѣхъ мужчинъ, не щадя и мальчиковъ. Такъ и въ нашъ домъ ворвалась толпа турокъ съ Хасаномъ во главѣ, и онъ собственноручно, на моихъ глазахъ, зарѣзаль старика отца моего и двухъ братьевъ. Я спрятался подъ диванъ, но видѣлъ все происходившее, и воспоминаніе объ этомъ приводитъ меня въ содроганіе. Избіеніе армянъ велось отдѣльными толпами, руководимыми каждая наиболѣе видными турками въ городѣ, какимъ былъ и Хасанъ. Армяне бѣжали изъ Байбурта, и я бѣжалъ въ Батумъ, гдѣ прожилъ два года. Затѣмъ потянуло меня въ Байбуртъ посмотреть, что стало съ матерью и съ сестрами. Тамъ я засталъ наше хозяйство въ разореніи: мать съ сестрами едва перебивались. Армянъ почти не стало, работать было трудно, и мнѣ пужно было подумать устроиться сперва самому, и, если Богъ поможетъ, подумать о матери и сестрахъ. Насъ, армянъ, много бѣжало въ Крымъ. Рѣшилъ и я поѣхать въ Крымъ и пошалъ въ Ялту, гдѣ живутъ мои троюродные братья. Документа на жительство у меня не было; я досталъ таковой у возвращавшагося въ Турцію армянина. Въ Ялтѣ мнѣ не удалось устроиться, и я поѣхалъ въ Симферополь. Въ Симферополь я зашелъ въ кофейню Минасова, поселился у него и сталъ работать сапоги и колодки. Ища работы, я заходилъ въ кофейни и вдругъ увидѣлъ въ кофейнѣ Хасана, убитаго отца моего и братьевъ. Меня взволновала эта встрѣча. Я вспомнилъ убитыхъ и ихъ послѣднія минуты, но сдержался и сказалъ Хасану: „Здравствуй“! Хасанъ спросилъ меня, кто я и откуда. Я отвѣтилъ: изъ Байбурта, Гульгульянъ! Онъ сказалъ: „Я

помню эту фамилию“. Тогда мысль отомстить ему за родныхъ заѣла у меня въ головѣ, и я на другой день кушилъ кинжалъ“. Далѣе Киркоръ рассказываетъ, какъ онъ выждалъ Хасана и убилъ его кинжаломъ.

Показаніе Киркора производитъ на публику чрезвычайно сильное впечатлѣніе.

Допрашивается свид. приставъ *Луценко*.

Свидѣтель говоритъ, что въ его участокъ былъ доставленъ Киркоръ послѣ совершенія убійства. Киркоръ былъ чрезвычайно взволнованъ. Онъ впалъ въ обморочное состояніе, и его пришлось обливать холодной водой. Когда онъ пришелъ въ себя, онъ сказалъ, что совершилъ убійство изъ мести.

Киркоръ называетъ имена свидѣтелей, которые могли подтвердить, что Хасанъ перерѣзалъ его семью, и рассказывалъ, какъ происходила рѣзня.

Заш. Зачѣмъ пріѣзжалъ въ Симферополь Хасанъ?

— За долгами. Онъ ссужалъ здѣсь деньгами турецкихъ армянъ и пріѣзжалъ получать деньги обратно.

Допрашивается свид. *Артиновъ*.

Прок. Вы Киркора знали?

— Нѣтъ.

Заш. Зачѣмъ Хасанъ пріѣзжалъ въ Симферополь?

— Я слышалъ, что онъ собиралъ здѣсь свои долги, и если армяне не платили, Хасанъ говорилъ, что поѣдетъ въ Турцію и тамъ задастъ имъ. Онъ ѣздилъ въ Харьковъ и Одессу.

На вопросъ защитника, обращенный къ свидѣтелю-турку Амету-Али-оглу, не говорилъ ли онъ при допросѣ въ участкѣ, что Хасанъ былъ въ Турціи вліятельный чловѣкъ, имѣвшій подъ своей командой 300 вооруженныхъ турокъ, онъ отвѣчаетъ: Ха-

санъ былъ знаменитою фамилію. Бѣднымъ помогалъ, кормилъ ихъ.

Допрашивается свид. *Манушарианицъ*. Свидѣтель—армянинъ, бѣжавшій изъ Байбурта послѣ погрома.

Заш. Сколько лѣтъ вы жили въ Байбуртѣ?

— Четыре года.

Заш. Вы знали въ Байбуртѣ Хасана?

— Зналъ.

Заш. Чѣмъ занимался Хасанъ?

— Онъ не имѣлъ опредѣленныхъ занятій; онъ былъ очень богатый человѣкъ.

Заш. Какъ вы спаслись отъ рѣзни?

— Я бѣжалъ въ домъ одного бѣдняка. Затѣмъ насъ, оставшихся въ живыхъ армянъ, заключили въ тюрьму.

Предс. За что же?

— За то, что мы остались въ живыхъ.

Заш. Событіе, о которомъ говоритъ свидѣтель, историческое. Путемъ допроса свидѣтеля его нельзя установить въ яркихъ чертахъ. Я прошу разрѣшить мнѣ представить суду сборникъ „Братская помощь армянамъ“ и книгу „Положеніе армянъ въ Турціи“ и прошу обратить вниманіе на нѣкоторыя статьи, гдѣ подробно воспроизведены турецкія звѣрства.

Судъ отклоняетъ это ходатайство.

Затѣмъ допрашивается рядъ свидѣтелей, бѣжавшихъ изъ Байбурта послѣ избіенія армянъ. Въ семьѣ каждаго изъ нихъ турки перерѣзали по нѣскольку человѣкъ. Они рассказываютъ ужасныя сцены, которыя, впрочемъ, прекрасно знакомы читающей публикѣ.

Свидѣтель, содержатель кофейни въ Симферополѣ, говоритъ, что Хасанъ не платилъ ему, и онъ не рѣшался требовать у Хасана денегъ, такъ какъ боялся его.

Старшина присяжных спрашивает, известно ли свидетелю, что Хасанъ въ Байбуртѣ оказывалъ помощь бѣднымъ.

— Никакой помощи не оказывалъ. Когда онъ заходилъ въ домъ, всѣ дрожали.

Защ. Сколько процентовъ взымалъ Хасанъ? Можетъ-быть, такимъ путемъ мы выяснимъ его благодѣянія.

— Давалъ восемь рублей на мѣсяцъ и бралъ за это три рубля.

Свид. Минашевъ, бѣжавшій также изъ Турціи, на вопросъ защитника, чѣмъ занимался Хасанъ на родинѣ, говоритъ, что онъ занимался разбоями и грабежами.

Допрашивается свидетель *Макуляевъ*.

Прокур. Кто былъ начальникомъ разбойническихъ шаекъ въ Байбуртѣ?

— Само правительство. — Свидѣтель также бѣжалъ изъ Байбурта.

Послѣ допроса свидетелей судомъ оглашены были найденные у Хасана долговья расписки и списокъ должниковъ Хасана, выѣхавшихъ изъ Турціи и проживающихъ въ Россіи.

Послѣ перерыва приступлено было къ преніямъ.

Товар. прокурора Бѣльскій. Въ 1895 году въ Турціи произошла историческая драма — варварское избиеніе армянъ. Одинъ моментъ этой драмы, по волѣ рока, разыгрался и въ Симферополѣ. Въ Симферополѣ былъ убитъ турокъ Хасанъ армяниномъ Киркоромъ за то, что тотъ зарѣзалъ въ Байбуртѣ его отца и двухъ братьевъ. Киркору, конечно, ничего не оставалось, какъ бѣжать въ Россію, спасаясь отъ преслѣдованія турокъ. Заявить въ Симферополѣ властямъ, что въ Турціи Хасанъ зарѣзалъ его семью, было бы совершенно бесполезно, такъ какъ пре-

ступленіе совершено не въ Россіи. Далѣе прокуроръ говоритъ о томъ, какъ въ Киркорѣ, послѣ встрѣчи съ Хасаномъ, закипѣло чувство мести, и онъ рѣшилъ убить его. Вотъ этотъ мотивъ—убійство изъ мести—и подлежитъ установленію на судѣ. Свидѣтельскими показаніями установлено, что рассказъ подсудимаго о томъ, какъ Хасанъ перерѣзалъ его семью, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, и у Киркора не было никакого законнаго пути разсчитаться съ палачемъ его семьи. Но до того, что происходитъ въ Турціи, намъ нѣтъ дѣла, —говоритъ прокуроръ.—У насъ, въ странѣ законодѣрной, убійства допускаются только тогда, когда человѣку угрожаетъ непосредственная опасность, и онъ долженъ обороняться. Киркоръ же не былъ въ такомъ положеніи, и за свой поступокъ онъ долженъ отвѣтить, и я, какъ представитель государственнаго обвиненія, вполне поддерживаю обвиненіе.

Защитникъ, прис. повѣрен. Н. П. Карабчевскій. Если бы мы захотѣли ограничить судебное слѣдствіе и самый кругозоръ нашъ въ настоящемъ дѣлѣ исключительно тѣмъ необходимымъ матеріаломъ, который заключается въ рассказѣ подсудимаго и двухъ—трехъ свидѣтелей сайбуртской рѣзни, мы очутились бы въ странномъ положеніи. Намъ показалось бы, что насъ посѣтилъ только тяжелый кошмаръ, что мы пережили нехорошій сонъ или что насъ, какъ дѣтей, пугали страшною сказкою. Гдѣ-то, не такъ далеко отъ насъ, на территоріи блистательной Порты, всего 3½ года назадъ, а не въ кровавой глубинѣ прошедшихъ вѣковъ, среди мирныхъ жителей городскихъ кварталовъ, населенныхъ армянами, невообразимо и безнаказанно носятся шайки

вооруженныхъ людей—турокъ. Они грабятъ и превращаютъ живыхъ людей въ трупы. Никто не въ состояніи дать себѣ надлежащаго отчета въ томъ, что происходитъ. Въ городѣ есть войско, есть стражи полицейскіе, но они сначала бездѣйствуютъ, а затѣмъ смѣшиваются съ разбойничьими шайками и „успокаиваютъ“ собственными ударами тѣхъ изъ армянъ, которые пытаются спастись. Цѣлый день идетъ рѣзня. Отдѣльныя шайки вооруженныхъ турокъ, подъ предводительствомъ наиболѣе видныхъ по своему служебному или общественному положенію лицъ города Байбурта и его уѣзда, перерываютъ до основанія каждый армянскій домъ, извлекаютъ изъ него всѣ цѣнности, набиваютъ ими себѣ карманы, предоставляя черни грабить остальное. Скрывшихся въ домахъ армянъ безжалостно извлекаютъ изъ ихъ похоронокъ, выволакиваютъ за ноги на улицы и тутъ же убиваютъ на глазахъ обезумѣвшихъ отъ ужаса женщинъ и дѣтей. Во главѣ одной изъ такихъ неистовствующихъ бандъ носится по городу Хасанъ-Мимій-оглу, убитый въ Симферополѣ 29-го апрѣля 1898 г. ударомъ кинжала армянина Киркора Гульгульяна. Этотъ Хасанъ, по словамъ бѣжавшихъ во время рѣзни армянъ, „порѣзалъ“ много армянъ, въ томъ числѣ нѣсколько семействъ очень богатыхъ людей, деньгами которыхъ завладѣлъ. Въ числѣ другихъ мирныхъ армянъ онъ собственноручно зарѣзалъ Манука Гульгульянова, старика отца подсудимаго, и двухъ его братьевъ, Саркиза и Хачадура. Самъ Киркоръ Гульгульяновъ спасается какимъ-то чудомъ: онъ забивается подъ рундукъ, прикрытый рядомъ. До той рѣзни Гульгульяновы жили всѣ вмѣстѣ въ собственномъ домѣ, зани-

мались ремеслами и пользовались хорошим достаткомъ. Послѣ рѣзни остались: мать Киркора Гульгульяна, Сурпуги, съ четырьмя дочерьми, 20-ти, 18-ти, 14-ти и 8-ми лѣтъ; онѣ стали нищими. Рѣзня длилась цѣлый день, до самыхъ сумерекъ, причѣмъ убивали и женщинъ, если тѣ пытались защищать мужей-армянъ или сами искали у нихъ спасенія. Уцѣлѣвшихъ отъ общей рѣзни байбуртскихъ армянъ власти „за безпорядки“ тотчасъ забрали въ тюрьму, гдѣ они просидѣли нѣсколько мѣсяцевъ. Когда наступилъ вечеръ, и насытившіеся кровью и грабежомъ турки отхлынули отъ армянскихъ кварталовъ, чтобы разсѣяться по домамъ и кофейнямъ и предаться своему обычному кейфу, пустынные улочки и закоулки Байбурта огласились заглушаемыми до тѣхъ поръ лишь страхомъ воплями и вздохами. То армянскія женщины, накинувъ на головы черныя хламиды въ знакъ траура и печали, беззвучно выползали изъ своихъ разоренныхъ лачугъ на поиски дорогихъ труповъ. Эти трупы валялись тутъ же на улицахъ; уличный песъ лизалъ съ камней человѣческую кровь, а женщины при мигающемъ свѣтѣ зажженной спички узнавали каждая „своихъ покойниковъ“. Тутъ-то, по словамъ бѣжавшей впоследствии изъ Байбурта въ Россію старухи Назеле Миасовой, женщины обмѣнивались своими печальными вѣстями. Своей собесѣдкѣ, Сурпугѣ Гульгульянъ, Миасова разсказала, что ея, Миасовой, родственныхъ мужчинъ убила банда Измаила - Аза, и, въ свою очередь, отъ нея услышала, что мужа ея, Гульгульянъ, Манука и сыновей Саркиза и Хачадура зарѣзала банда Хасана-Мимй-оглу. Показаніе старухи Гульгульянъ такимъ образомъ вполне совпадаетъ съ тѣмъ,

что видѣлъ и слышалъ въ день рѣзни самъ укрывшійся отъ турокъ Киркоръ Гульгульянцъ. Да, въ самомъ дѣлѣ не сказка ли все это? Судь отказалъ мнѣ въ правѣ ссылаться на спеціальныя историческія сочиненія по вопросу объ армянской рѣзни въ Турціи въ 1894—1896 годахъ. Я вынужденъ подчиниться такому распоряженію суда, хотя, да простится мнѣ, никакъ не могу взять въ толкъ, какимъ образомъ именно этимъ путемъ можетъ быть достигнуто „неизвращеніе судебной перспективы“. Когда у насъ вводилось гласное и публичное судопроизводство, мы, конечно, ликовали не отъ усиленія уголовной репрессіи, а отъ ожиданія того, что только при такихъ условіяхъ судъ сумѣетъ и сможетъ ярко освѣтить истиннымъ правосуднымъ свѣтомъ не только верхушку печальнаго явленія, но и самую почву, на которой оно выросло. Всякое иное освѣщеніе общественнаго явленія (какимъ всегда является преступленіе) представляется освѣщеніемъ искусственнымъ, и тогда уже, дѣйствительно, можетъ идти рѣчь о перспективахъ... Возьмемъ настоящее дѣло. При искусственномъ или маломъ освѣщеніи его, оно кажется только происшествіемъ фантастичнымъ и романичнымъ, даже маловѣроятнымъ. Кровавое преступленіе Киркора Гульгульянца, неожиданное, быстрое, дерзкое, совершенное на улицѣ, словно сіяніемъ молніи среди абсолютной тьмы ярко освѣщаетъ только маленькую, невзрачную, одинокую фигурку какого-то невѣдомаго намъ человѣка. Но развѣ при томъ же мимолетномъ освѣщеніи мы не разглядѣли ничего больше? Развѣ мы не увидѣли, что эта человѣческая фигурка стоитъ надъ пронастью, вырытою вѣками, — пронастью почти бездонною... Ужели это

не должно привлечь нашего вниманія? Ужели мы можемъ пройти мимо явленія историческаго характера, не пояснивъ себѣ даже его значенія, не попытавшись даже понять его, какъ отдѣльное звено въ общей цѣли человѣческихъ страданій, именуемой дипломатично и кратко исторією „положеніемъ армянъ въ Турціи“. Мы вмѣстѣ съ христіаниномъ армяниномъ и турецкимъ подданнымъ Киркоромъ Гульгульяномъ, обвиняемымъ въ преднамѣренномъ изъ мести убійствѣ мусульманина, природнаго турка изъ Малой Азіи, Хасана-Мимія-оглу, стоимъ на самомъ краю исторической пропасти и не можемъ не заглянуть въ нее.

Предсѣдательствующій. Прошу васъ не касаться событій, не бывшихъ предметомъ судебного слѣдствія.

Прис. пов. Карабчевскій. Я буду касаться лишь историческихъ событій, обязательно извѣстныхъ гимназисту 7-го класса. Получивъ университетское образованіе, я въ правѣ считать эти историческіе факты общезвѣстными и не нуждающимися въ судебной повѣркѣ.

Предсѣдательствующій. Въ числѣ присяжныхъ есть лица, не получившія высшаго образованія.

Прис. пов. Карабчевскій (продолжая). Гг присяжные засѣдатели, вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, что въ составъ Оттоманской имперіи, со времени вторженія турокъ въ Европу, вошли многія народности, исповѣдующія христіанскую религію, ставшія по отношенію къ завоевателямъ-побѣдителямъ побѣжденными. Таковы: греки, сербы, болгары, босняки и армяне *par excellence*, ибо Малая Азія съ Арменією во власти турокъ уже шесть вѣковъ. Истори-

ческія карты Европы испещрены, какъ іероглифами, передвигавшимися чертами завоеваній. Нѣтъ почти ни одного европейскаго государства, которое не сложилось бы путемъ завоеваній. Но благодаря исторической культурѣ происходила нормальная ассимиляція завоеванныхъ провинцій. И побѣжденные, и побѣдители (съ осадкомъ или безъ осадка политической горечи на сердцахъ) становились въ концѣ-концовъ гражданами одного государства, приобщались къ общимъ повинностямъ, къ общей государственной службѣ и въ частной жизни, безъ различія племеннаго и религіознаго, искали и находили благоденствіе подъ сѣнью общихъ законовъ. Таковъ нормальный ходъ исторіи. Но Турція иное дѣло. Status quo азиатской культуры, фанатизмъ ислама, деспотическій образъ правленія, во главѣ котораго стоитъ султанъ-калфъ, т. е. глава мусульманской церкви, причемъ на знамени пророка ревнивые хранители заветовъ Магомета до сихъ поръ не прочь читать „смерть гяурамъ“, создали то, нѣчто особенное, маловѣроятное съ точки зрѣнія европейской культуры, съ чѣмъ цѣлая Европа ради политическихъ соображеній терпѣливо считается однако уже многіе вѣка. Турецкіе подданные христіане въ общій строй государственной жизни, управленія и суда не входили и, по искреннему убѣжденію истиннаго мусульманина, никогда войти и не могутъ. Это райя—стадо, какъ всякое стадо, безправное; съ каждой головы берется налогъ—*хараджъ*, пока головѣ позволено быть на плечахъ. Судъ по шаріату не признаетъ свидѣтелей-христіанъ. Процессъ, выигранный христіаниномъ, никогда не

считается рѣшеннымъ окончательно. Всегда сыщется инстанція, которая можетъ его отмѣнить. Разъ взысканная подать не считается взысканною, всегда найдется какой-нибудь охотникъ, который взыщетъ ее и во второй, и въ третій разъ. Ни духовная, ни имущественная личность христіанина не ограждена закономъ. Однимъ словомъ, это вѣчно дящееся положеніе побѣжденныхъ и побѣдителей, а вы знаете, что побѣжденнымъ—горе! Изъ числа подвластныхъ Турціи христіанскихъ народовъ долѣе и безнадежнѣе всѣхъ ей подвластныхъ армянскій народъ. У подножія своего ветхозавѣтнаго Арарата, въ нѣкогда цвѣтущей Арменіи, онъ стоически претеривалъ и претериваетъ всѣ униженія рабства. Привязанный къ своей родинѣ упрямымъ инстинктомъ земледѣльца, крѣпкій чистотою семейныхъ узъ и духовныхъ началъ, привитыхъ ему христіанствомъ, каковое, какъ народъ, онъ первый же и воспринялъ, армянскій народъ, полвластный туркамъ, въ мирныхъ добродѣтеляхъ черналъ неистощимый запасъ терпѣнія. Лордъ Байронъ (вдохновенный борецъ за греческую независимость) такъ отзывался о немъ: трудно, быть-можетъ, было бы найти другую націю, въ лѣтовисяхъ которой было бы такъ мало преступленій, какъ въ лѣтовисяхъ этого народа, котораго добродѣтели суть всѣ добродѣтели мирнаго времени, а пороки лишь послѣдствія того гнета, который онъ выносить. О той же армянской націи историкъ Гиббонъ писалъ сто лѣтъ тому назадъ: этой націи не давали даже пользоваться спокойствіемъ рабскаго состоянія; съ первыхъ же шаговъ своей исторіи до настоящаго момента Арменія

была театромъ вѣчныхъ войнъ. Жестокая политика обезлюдила земли, находящіяся между Тавромъ и Эриванью. Ко всѣмъ несчастьямъ, общимъ всѣмъ христіанскимъ народамъ, подвластнымъ Турціи, по отношенію къ армянамъ надо присоединить еще: тиранию беевъ, грабительства черкесовъ и кочевыхъ курдовъ, т. е., другими словами, надо присоединить товольно обычныя явленія рафинированнаго звѣрства на почвѣ зрачнаго фанатизма въ видѣ насильства: аго обращенія сельскаго населенія въ исламъ, похищенія дѣвушекъ и мальчиковъ для продажи ихъ въ гаремы и насилванія молодыхъ женщинъ на глазахъ ихъ мужей и отцовъ.

Предс. Г. защитникъ, прошу васъ не касаться... это не было предметомъ слѣдствія и не имѣетъ отношенія къ дѣлу.

Прис. пов. Карабчевскій. Достаточно взглянуть на карту Малой Азіи, чтобы убѣдиться, что названныя мною племена, промысляющія разбоемъ, въ сосѣдствѣ съ Арменіею... Нравы ихъ также описываются въ учебникахъ географіи.

Предс. Прошу васъ, продолжайте въ предѣлахъ, указанныхъ мною.

Прис. пов. Карабчевскій (продолжая). Итакъ, я старался доказать, что армяне не склонны къ насилію вообще; я перечислялъ ихъ мирныя добродѣтели. Эти добродѣтели оказались политическими пороками. Наряду съ армянами владели нѣкогда столь же жалкое рабское существованіе греки, сербы, румыны, болгары, словомъ, всѣ христіанскія народности, подвластныя Турціи. И что же мы видимъ? Теперь всѣ (т. е. почти всѣ) мало-по-малу освободились, встали на ноги. Всеобщее греческое возстаніе 1820—1827 годовъ было первымъ

освободительнымъ пламенемъ, подогрѣвшимъ Европу. Дикіи репрессіи турокъ, выразившіяся въ такихъ фактахъ, какъ поголовныя избіенія всего населенія острова Хіоса или повѣшеніе въ день Св. Пасхи въ Константинополѣ въ облаченіи противъ церкви патріарха съ тремя архіепископами, вызвали волю всеобщаго негодованія. Извѣстно, что рыцарски воинственному вмѣшательству императора Николая I, закончившемуся нашими побѣдами въ Турціи и адрианопольскимъ миромъ (1829 г.), обязано новое Греческое королевство своимъ бытіемъ. Въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія политиканской хитрости мясника Милоша обязана Сербія своимъ возникновеніемъ съ наслѣдственной княжеской династіей. Но все это были пока только единичныя попытки силою или хитростью сбросить съ себя ненавистное иго рабства. Армяне оставались стойчески терпѣливыми. Самое большее, въ чемъ проявлялся ихъ протестъ, это—въ періодическихъ переселеніяхъ въ предѣлы Россіи. Петръ Великій, покоривъ побережья Каспійскаго моря, спѣшилъ заселить этотъ край христіанскимъ элементомъ, армянами-колонистами, и воспользоваться ими, какъ надежною точкою опоры въ борьбѣ съ мусульманствомъ. Особенное значеніе для поработенной „райи“ и вообще для судебъ турецкихъ армянъ имѣли побѣдоносныя войны Екатерины II. Кучукъ-кайнарджинскій трактатъ 1774 г. впервые ставилъ официально христіанъ Востока подъ покровительство Россіи. Постройкою на Дибирѣ города Григоріополя исключительно для эмигрировавшихъ турецкихъ армянъ императрица надѣялась достигъ того, что „находящіеся за грани-

пей армяне, видя благоденствіе переселенцевъ, къ нимъ присоединяются“. И дѣйствительно, армяне массами стали переселяться въ Крымъ, „превращая пустыни въ грады“. Павелъ I „во вниманіе къ отличному трудолюбію, тщательному домостроительству и примѣрному поведенію“ переселившихся въ Россію турецкихъ армянъ и для привлеченія новыхъ переселенцевъ жалуетъ имъ грамотою 28-го октября 1799 г. новыя милости и преимущества. По окончаніи войны 1812 г. Александръ I грамотою на имя всего армянскаго народа, данною въ Тешицѣ 16-го сентября 1813 г., выражаетъ благодарность за то, что посреди смутныхъ обстоятельствъ они „пробыли тверды и непоколебимы въ своемъ усердіи къ Намъ и Престолу Нашему, жертвуя имуществомъ своимъ и всѣми средствами и самою жизнью на пользу службы Нашей и для общаго блага“. Императоръ считаетъ себя обязаннымъ засвидѣтельствовать имъ передъ цѣлымъ свѣтомъ справедливую признательность и благоволеніе. Съ особенною силою сказалась привязанность армянъ къ Россіи во время войны ея съ Персіею въ 1826 г. Они массами стали переселяться въ Россію. Персидское правительство угадало ихъ крѣпостнымъ правомъ въ Россіи и рекрутчиною, но армяне отвѣчали: „Лучше будемъ ѣсть сѣно въ христіанской землѣ, нежели хлѣбъ въ Персіи“. Въ турецкую войну 1828 г. Порта переселила всѣхъ армянъ изъ пограничныхъ мѣстностей въ отдаленныя области, но не могла преградить путь для выраженія симпатій Россіи. По заключеніи адрианопольскаго мира армяне турецкіе массами стали высылаться въ Россію (около 90,000 душъ). Порта встревожилась, такъ какъ уходилъ

самый трудолюбивый ремесленный народъ. Изъ Константинополя послали въ Эрзерумъ епископа Варѳоломея, чтобы удержать армянъ отъ переселенія; но ему отвѣчали: „Если бы самъ Христосъ сошелъ съ неба, чтобы уговорить насъ остаться въ Турціи, и Его бы не послушались“. Предпоследняя война наша съ Турціею, которою императоръ Николай I надѣялся „похоронить мертвого“, т. е. покончить съ Турціею какъ съ европейскою державою разъ и навсегда, исполнила турецкихъ армянъ самыхъ радужныхъ надеждъ. Армяне выказали преданность и содѣйствіе Россіи. Увы!—этимъ надеждамъ не суждено было сбыться. Война съ „союзниками“, закончившаяся одиннадцатимѣсячною геройскою обороною и паденіемъ Севастополя, какъ извѣстно, спасла „больного человека“, т. е. Турцію, и дала отсрочку... подвластнымъ Турціи христіанамъ для новыхъ страданій. По окончаніи нашей крымской кампаніи турецкіе армяне подверглись страшнымъ репрессіямъ за свои симпатіи къ Россіи. Такъ дѣло оставалось до нашей послѣдней турецкой войны съ ея кровавыми Дунаемъ, Плевною и Шипкою и побѣдовоснымъ санъ-стефанскимъ трактатомъ, ограниченнымъ впоследствии берлинскимъ трактатомъ. Извѣстно, что этой послѣдней нашей войнѣ 1878 г., послѣднимъ усліямъ окончательно освободить христіанъ на Востоку, предшествовала сербская война и болгарская рѣзня. Но по крайней мѣрѣ для этихъ и другихъ христіанскихъ народностей пролитая русскими кровь оказалась пролитою не даромъ; санъ-стефанскимъ трактатомъ установлена автономія Румыніи, Сербіи и Черногоріи, возникло и новое христіанское государство, независимое отъ прежняго

своего властелина, — Болгарія. Армяне, какъ настоящіе пасынки исторіи, и на этотъ разъ оказались въ хвостѣ историческихъ удачъ и благополучій. Но все-же санъ-стефанскій договоръ имѣлъ для армянскаго народа огромное нравственное и политическое значеніе. На страницахъ международныхъ трактатовъ объ его судьбѣ заговорили впервые. Часть турецкихъ армянъ въ Малой Азій перешла къ Россіи, а относительно другой части, оставшейся за Турціею, впервые, по инициативѣ Россіи, было выговорено право на „спеціальныя реформы“, ограждающія личную и имущественную безопасность армянъ. По ст. 16-й санъ-стефанскаго договора Турція торжественно обязывалась передъ Россіею: „произвести безъ дальнѣйшаго отлагательства улучшенія и реформы, вызываемыя мѣстными потребностями областей, населенныхъ армянами, и обезопасить ихъ отъ курдовъ и черкесовъ“. Берлинскій конгрессъ вырвалъ у Россіи исключительное право на такое обязательство, добытое русскою кровью, и воспроизвелъ § 16-й санъ-стефанскаго договора въ § 61-мъ берлинскаго трактата, предоставивъ не исключительно Россіи, а шести великимъ европейскимъ державамъ сообща слѣдить за выполненіемъ обязательствъ Порты и требовать ихъ выполненія. Чтобы ослабить вліяніе Россіи на Востокъ, Европа себя поставила на ея мѣсто и, такимъ образомъ, какъ бы поручилась торжественно за безопасность армянъ. Независимо отъ этого 4-го іюня 1878 г. Англія отдѣльно заключила трактатъ съ Турціею, которымъ брала Малую Азію, а стало-быть и судьбу Арменіи, подъ свой великодушный протекторатъ. Итакъ, на основаніи всего сказаннаго мною слѣ-

дуетъ считать безспорно официально и документально установленнымъ, что до санъ-стефанскаго договора личная судьба каждаго армянина, жителя Малой Азии, не была законно ограждена турецкими законами, не была обезопасена и отъ разбойныхъ нападений сосѣднихъ курдовъ и черкесовъ. Въ Константинополѣ послѣ дѣйствовала такъ - называемая „армянская конституція“, но это была эфемерная конституція, полная платоническихъ благопожеланій, безплодныхъ ходоатайствъ, надеждъ, и только. Въ провинціяхъ же никакихъ реформъ не предпринималось, несмотря на „зоркій“ надзоръ шести державъ. Если, по русской пословицѣ, у семи нянекъ дитя безъ глаза, то для несчастной Арменіи оказалось довольно и шести нянекъ для того, чтобы продолжать влачить свое прежнее жалкое существованіе. Затѣмъ въ 1894, 1895 и 1896 гг., какъ-разъ въ то время, когда послѣ 16-ти лѣтъ безплоднаго ожиданія стали торопить Турцію съ реформами для армянскихъ провинцій, и какъ-разъ тѣхъ самыхъ провинцій, которыя желала облагодѣтельствовать Европа, совершилось нѣчто столь дикое и неслыханное, чему не хотѣли вѣрить сперва и чему съ содроганіемъ вынуждены были, наконецъ, повѣрить. Я говорю о массовыхъ избиеніяхъ армянъ въ Сассунѣ (1894 г.), а затѣмъ послѣдовательно и во всѣхъ округахъ Малой Азии, наконецъ, и въ Константинополѣ. Избиеніе въ г. Байбуртѣ, родинѣ Киркора Гульгульяна, гдѣ отъ ударовъ убитаго имъ здѣсь Хасана-Мимія-оглу пали его отецъ и два брата, совершилось 27-го октября 1895 года. По официальнымъ даннымъ (донесенія консуловъ, англійская „Синяя“ и француз-

ская „Желтая“ книги и т. п.) установлено, что въ Байбуртѣ все армяне мужскаго пола были перебиты или заключены въ тюрьму. Эти данныя вполне совпадаютъ съ тѣмъ, что мы слышали здѣсь. Разграблено было 400 домовъ; число убитыхъ достигало до 1,000. Въ окрестностяхъ Байбурта совершенно разграблено и разрушено 165 деревень. Первая сассунская рѣзня была объяснена мятежемъ армянъ, причемъ ихъ убито было 10,000 чел. Но мало-по-малу истина вскрылась. Благодаря даннымъ, разоблаченнымъ представителями державъ и частными лицами (въ ихъ числѣ съ уваженіемъ слѣдуетъ упомянуть Диллона, снeciальнаго корреспондента *Daily Telegraph*, супруговъ Гаррисонъ, француза Шарметана, немца Лейсиуса и нашихъ русскихъ публицистовъ Джанишева, Гольмстрема, графа Камаровскаго и др.), получилась картина, поистинѣ потрясающая. По свѣдѣніямъ, собраннымъ представителями великихъ державъ, до начала 1896 г. въ Малой Азии убито 37,085 душъ, разорено и сожжено 39,749 домовъ, насильственно обращено въ магометанство 40,950 чел., пущено по міру 290,300 человекъ. Повсюду открыты были подписки на пожертвованія въ пользу вдовъ и сиротъ армянскихъ; разрѣшенъ былъ официально такой сборъ и русскимъ правительствомъ въ 1896 г. Но самую ужасною стороною этого историческаго событія явилось то, что вся эта рѣзня оказалась, повидимому, не случайнымъ взрывомъ племенной или религіозной вражды, а прямо-таки организованнымъ систематическимъ массовымъ избіеніемъ армянъ на пространствѣ всей Малой Азии. Это былъ по-своему изготовленный Востокомъ суррогатъ такъ долго и

терпѣливо ожидаемыхъ Евровою реформъ для Арменіи. Вотъ на какой исторической почвѣ выросло событіе, которое вы неожиданно призваны разсудить сегодня. На почвѣ бѣдствій всего армянскаго народа, — бѣдствій, о которыхъ тотъ, кого Европа привыкла звать „праведнымъ старикомъ“ — Гладстонъ, едва ли не первый, недаромъ во всеуслышаніе провозгласилъ: „Это были бѣдствія, въ которыхъ преувеличеніе невозможно, потому что дѣйствительность превзошла самое необузданное воображеніе!“ Что мнѣ еще сказать вамъ? Киркоръ Гульгулянъ и Хасанъ-Мимій-оглу случайно встрѣтились въ Россіи, здѣсь, въ Симферополѣ, послѣ трехъ лѣтъ. Хасанъ преусиживалъ. Нажившись на убитыхъ, онъ тамъ у себя, въ Байбуртѣ, не переставалъ наживать на ихъ же вдовахъ и сиротахъ, ссужая имъ деньги и принасы за огромные проценты. Списокъ найденныхъ при немъ документовъ, это — перечень векселей и обязательствъ армянскихъ женщинъ, родственники которыхъ бѣжали въ Россію. По отзыву свидѣтелей, онъ въсегда былъ злымъ ростовщикомъ, а послѣ байбуртской рѣзни особенно разжился и сталъ наѣзжать въ Россію, по своему законному турецкому паспорту, для сбора дани и по документамъ, и безъ документовъ съ армянъ, у которыхъ оставались еще родственники въ Байбуртѣ. Изъ страха за участь оставшихся тамъ ему платили исправно. Неслыханная дерзости, и откровенности своеобразнаго разбойно-международнаго промысла и полное безсиліе противопоставить ему что-либо! Киркоръ Гульгулянъ, разоренный, бездольный скиталецъ, встрѣтилъ его однажды въ кофейнѣ Карабета и замеръ на мѣстѣ.

Передъ нимъ былъ Хасанъ,—тотъ самый Хасанъ, который рѣзалъ его отца и братьевъ въ ту минуту, когда, изнывая отъ страха, онъ лежалъ подъ рундукомъ, не смѣя перевести дыханія: Это былъ не призракъ Хасана; это былъ дѣйствительный живой Хасанъ, отъ котораго лишь вѣяло на Киркора замогильнымъ ужасомъ призрака. Призракъ заговорилъ; онъ даже произнесъ нѣсколько словъ на человѣческомъ языкѣ: „Здравствуй!.. Я помню твою фамилію“. Далѣе онъ не продолжалъ. Онъ помнилъ фамилію Гульгульяновъ. Этого было достаточно. Участь Хасана была рѣшена. Мы знаемъ, что Киркоръ бросился на Хасана, когда тотъ шелъ не одинъ, а въ числѣ другихъ пяти человѣкъ, которые составляли одну довольно компактную группу. Ночь была темная и туманная; уличные фонари едва освѣщали ихъ путь. Вы знаете, какую страшную рану нанесъ Гульгульявъ Хасану. Безъ колебаній онъ отличилъ его отъ всѣхъ другихъ, почти одинаковыхъ съ нимъ по росту и фигурамъ. Онъ не колебался и не ошибся. Хасанъ упалъ замертво на мѣстѣ. По заключенію врача-эксперта, длинный кинжалъ прошелъ ему прямо въ сердце. Какъ рассчиталъ и угадалъ свой ударъ въ темнотѣ Гульгульявъ, остается тайною его или Провидѣнія. Слово лезвіе кинжала было намагничено, и его притянуло къ желѣзному, не знавшему никогда состраданія, сердцу Хасана.

Теперь остается еще одинъ вопросъ: виновенъ ли Киркоръ Гульгульявъ? Русскіе законы, въ томъ числѣ и тяжелая статья уголовного закона, карающаго за преднамѣренное убійство, рассчитаны на людскія отношенія вообще, нормируемые законами. Вы знаете, изъ какой лачины беззаконія и

беззаконія вынырнулъ несчастный Гульгуль-
лянъ. Убийца его отца и братьевъ, котораго
онъ видѣлъ теперь передъ собою, не под-
лежалъ и не могъ подлежать никакому
законному возмездію. Стало-быть, несчаст-
ному оставалось только „забыть“, что его
старикъ-отецъ и два брата на его глазахъ
безжалостно зарѣзаны Хасаномъ. Но развѣ
это забыть возможно, развѣ такія вещи
забываются? Онъ не искалъ встрѣчи съ
Хасаномъ; ихъ свела судьба, ихъ свелъ
тотъ рокъ, вѣра въ который такъ сильна
на Востокѣ. Отъ человѣка мы въ правѣ тре-
бовать лишь человѣческаго. Забыть, про-
стить Хасана могъ бы развѣ „сверхъ-че-
ловѣкъ“. Не ищите его въ несчастномъ,
жалкомъ Гульгульлянѣ! Вашъ судъ тоже толь-
ко судъ человѣческой. Чтò сверхъ человѣ-
ка, то уже Божье и... остается только по-
сторониться. Посторонимся!

Подсудимый въ своемъ послѣднемъ сло-
вѣ сказалъ, что онъ убилъ Хасана за то,
что тотъ зарѣзалъ его отца и двухъ
братьевъ.

Присяжные послѣ пятиминутнаго совѣща-
нія вынесли Гульгульяну оправдательный
вердиктъ. Приговоръ былъ встрѣченъ шум-
ными аплодисментами публики, которые
были остановлены г. предсѣдательствовав-
шимъ.

